

Снаружи моросил дождь, не прекращаясь уже полчаса. Влажность, постепенно проникая в подвал, где на стенах были вырезаны десятки зарубок, питала плесень.

Мужчина стоял босиком на сколоченной из досок кровати, осторожно выковыривая пальцами с грязью под ногтями кусочки цемента из-под подоконника.

Вскоре начала просачиваться вода. Тонкая струйка смыла пыль из углубления, и мужчина, плотно прижав ладонь к стене, наблюдал, как капли собираются в его руке.

В ладони блестела лужица дождевой воды, в которой отражались спутанные, грязные черные волосы и потрескавшиеся губы. Мужчина был похож на уличного бродягу, но черты его лица поражали благородством: высокий прямой нос, четкая, резкая линия челюсти. Его кадык дернулся, когда он жадно сглотнул — жажда мучила его невыносимо.

Не успел он собрать достаточно воды, как снаружи послышались шаги. Мужчина тут же осушил ладонь, заткнул щель обломком цемента и, когда дверь подвала отворилась, уже сидел на кровати.

В подвале вспыхнул свет. От неожиданной резкой яркости мужчина инстинктивно зажмурился и прикрыл лицо рукой.

Вошедший огляделся, увидел на полу нетронутую миску, медленно присел, поднял двумя пальцами пару размокших гранул собачьего корма и брезгливо поморщился.

— Почему так расточительно? Это корм по двадцать юаней за килограмм! Ты что, знал, что сегодня придет твоя мать, и решил пойти мне наперекор?! Я столько на тебя трачу, а ты даже не можешь быть хоть немного благодарным!

Голос становился все громче и пронзительнее. Вошедший с остервенением пнул миску, та отлетела в сторону, рассыпая корм, и закружилась на полу, сливаясь в сознании с гулом автомобильных сигналов.

Сы Юньи медленно открыл глаза в машине. Придя в себя после сна, он заметил, что за окном начался дождь. Дорогу сильно заблокировало, регулировщик в дождевике старался разрядить затор на перекрестке.

— Который час? — Сы Юньи расслабил воротник рубашки. Возможно, из-за сна его тоже начала мучить жажда.

— Семь тридцать, молодой господин Сы, — ответил водитель, взглянув на часы.

Судя по пробке, до старого особняка добираться не меньше получаса. Сы Юньи смотрел, как по стеклу стекают капли, его взгляд стал задумчивым.

Этот сон — должно быть, воспоминание о том, как Чу Цзюньле подвергался издевательствам после того, как вошел в семью в качестве зятя. Сы Юньи уже видел этот сон однажды; видимо, он оставил слишком сильный отпечаток, раз повторяется снова.

Если сон правдив, то сегодня вечером Чу Цзюньле впервые встретится с младшими членами основной ветви семьи Сы. Его еще не отправили к боковой ветви, а значит, все еще можно исправить.

Водитель, видя, что поток машин едва движется, притормозил и вдруг услышал звук открываемого окна. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Молодой господин Сы зачем-то опустил стекло. Его тонкие, изящные пальцы на мгновение высунулись наружу, а затем вернулись обратно.

Мужчина поднес кончики пальцев к губам, словно пробуя дождевую воду на вкус. Водитель не посмел смотреть дальше и, уставившись на дорогу, крепче сжал руль.

В особняке семьи Сы в гостиной группа людей среднего возраста яростно спорила о предстоящем брачном союзе.

Пятеро младших членов семьи — от двадцатипятилетнего старшего внука, уже работающего в компании, до трехлетнего малыша, только пошедшего в детский сад — собрались в комнате отдыха. Они окружили молодого человека в коричнево-желтом костюме и весело смеялись.

Старый кнопочный телефон выудили из кармана парня и начали перебрасывать из рук в руки. Юноша метался между ними, пытаясь вернуть единственную ценную вещь, которая у него была.

— В какой век мы живем? Кто вообще пользуется такими телефонами!

— Старший брат, посмотри на его костюм, он что, украл его у деда?

— Первый раз вижу костюм в сочетании с камуфляжными кедами. О боже, мои глаза!

Парень, которого называли старшим братом, поймал телефон и, улыбаясь, шагнул вперед. Видя растерянность и тревогу юноши, он расплылся в еще более широкой улыбке.

— Старший сын семьи Янь, Чу Цзюньле, верно? Мы слышали, что ты собираешься стать зятем в нашей семье, и мы все очень рады этому.

— Кто это рад! — трехлетний малыш скрестил руки на груди и надул губы.

Старший брат подхватил ребенка на руки, ущипнул его за нос, не сводя при этом веселого взгляда с юноши.

— Нас так много, и все мы тебе рады, но ты у нас один, поэтому я придумал способ.

Старший брат бросил взгляд на третьего брата, и тот достал повязку для глаз — похоже, они обо всем договорились заранее.

— Смотрел Путешествие на Запад? Помнишь сцену, где Чжу Бацзе проходит испытание на брак?

Старший брат встал и собрался надеть повязку на лицо юноши. У Чу Цзюньле возникло дурное предчувствие, он инстинктивно отпрянул, но увидел, что его телефон уже оказался в руках другого человека и балансирует над стаканом с вином.

— Что вы делаете? — единственная девушка в компании заволновалась, увидев, как на Чу Цзюньле насильно надевают повязку, а сверху еще и натягивают мешок.

— Сюаньсюань, не бойся, — понизил голос второй брат. — Это то, чего заслуживают мошенники.

Третий брат помахал рукой перед лицом юноши и, убедившись, что тот ничего не видит, кивнул старшему.

— Правила те же, что и в телешоу: если поймашь кого-то из нас, тот и станет твоим супругом, — усмехнулся старший брат, вставая на диван с подносом в руках.

Услышав это, Сы Сюаньсюань в испуге вскарабкалась на книжный шкаф, чтобы ее точно не поймали. Она успела сделать лишь пару движений, как почувствовала тяжесть на ноге — это младший братишка вцепился в ее лодыжку.

— Ци-цзай, ты чего! — прошептала она. — Ты тоже боишься брака?

Трехлетний Сы Бэйци, крепко обнимая ногу кузины, жалобно поднял голову:

— Сестренка, спаси меня! Тот, кого я люблю, — это Лили из группы Стрекоз в соседнем саду!

Сы Сюаньсюань посмотрела на юношу, стоявшего в центре комнаты, и недоверчиво спросила кузена:

— Ты же только две недели как в младшую группу пошел!

Сы Бэйци захлопал глазами:

— Еще Яньянь из группы Жирафов, Сяо Юэ, Лак...

— Ах ты маленький сердцеед! — возмутилась Сюаньсюань. — Тебе конец, я обязательно расскажу маме!

Поняв, что говорит слишком громко, она прикусила губу, но, взглянув на юношу, увидела, что тот по-прежнему неподвижен.

— Иди давай! — нетерпеливо крикнул старший брат, стоя на диване. — Ты что, оглох?

Перед глазами Чу Цзюньле была тьма. Он сжал кулаки, в голове эхом отдавались слова госпожи Янь, произнесенные со слезами, и стопка счетов на столе.

Чу Цзюньле сделал шаг в темноте, и сверху на него вылилась струя вина. Мешок на голове промок, алкоголь стекал по шее, а вокруг раздался издевательский хохот.

Стакан за стаканом — пока поднос в руках старшего брата не опустел. Верхняя одежда Чу Цзюньле насквозь промокла, ткань прилипла к телу, а в этой слепой темноте стало липко и холодно.

Вокруг внезапно воцарилась тишина, лишь в одном углу раздался звук. Чу Цзюньле прекрасно понимал, что это ловушка, но его телефон все еще был у них, и если он не позволит им потешиться вдоволь, они его не отпустят.

Мышцы Чу Цзюньле напряглись, он ожидал удара, откуда угодно, но, стиснув зубы, пошел на звук, как они и хотели.

Сы Сюаньсюань видела, как третий брат соорудил на столе ловушку из двух стульев и книг, и теперь намеренно шумел, заманивая туда Чу Цзюньле.

Глядя на массивные стулья, Сюаньсюань поняла, что удар будет болезненным. Она глубоко вздохнула и ущипнула младшего кузена за попу.

— Ау! — взвизгнул Сы Бэйци. Чу Цзюньле повернулся. Третий брат, раздраженно зыркнув на малыша, продолжил шуметь, направляя юношу вперед.

Когда Чу Цзюньле был уже почти в зоне поражения, третий брат еще не успел улыбнуться, как

дверь комнаты отдыха внезапно открылась.

Он недовольно обернулся, но, увидев вошедшего, тут же вытянулся в струнку, а лицо его мгновенно побледнело.

Чу Цзюньле услышал шум с другой стороны и, ощупывая путь, направился туда. Внезапно в воздухе разлился тонкий аромат, смешанный с холодом; он пробился сквозь запах алкоголя — ледяной, пробирающий до глубины души.

Аромат становился все отчетливее. Пальцы Чу Цзюньле коснулись чего-то мягкого, похожего на ткань, и он инстинктивно крепко ухватился за запястье человека перед собой.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Сы Бэйци потер глаза маленькими кулачками, пытаясь понять, не галлюцинация ли это.

Сы Юньи, только что вошедший, обвел взглядом младших и перевел его на жалкий вид мужчины перед собой, чувствуя, как тот сжимает его запястье.

— М-можно уже остановиться? — голос под мешком дрожал. Мокрая ткань липла к лицу, напоминая начало какой-то древней пытки.

Сы Юньи помолчал, затем поднял руку, развязал веревку и снял промокший мешок. Под ним оказалась черная повязка.

Тонкие губы мужчины под высоким носом побледнели, с мокрых волос капала вода. Сы Юньи еще раз окинул взглядом комнату и сорвал повязку.

Свет ударил в глаза. Чу Цзюньле инстинктивно поднял руку, чтобы прикрыться. Когда зрение адаптировалось, он посмотрел на того, кого держал, и решил, что это галлюцинация.

Мужчина, чье запястье он сжимал, был совсем не тем, кто находился здесь раньше. Казалось, он сошел с картины: вокруг него словно вилось легкое сияние, лицо было невыразимо утонченным и холодным, на переносице сидели очки в тонкой серебряной оправе, цепочка от которых изящно уходила за ухо.

На нем был светло-серый костюм, черная рубашка подчеркивала длинную белую шею. Его облик был сдержанным и строгим, у него были самые красивые глаза, которые он когда-либо видел, и даже линзы очков не могли скрыть их глубину. В темных зрачках застыл холодный снежный отблеск — отчужденный, но в то же время манящий заглянуть в самую суть.

Мужчина молчал, цепочка очков слегка покачивалась, будто отражая лунный свет. Чу Цзюньле опомнился, лишь когда сзади хором раздалось:

— Младший дядя.

Младший дядя?

Чу Цзюньле растерянно застыл.

Сы Юньи смотрел прямо на человека, которого видел в своих снах бесчисленное количество раз — того, чье присутствие в особняке боковой ветви семьи Сы три месяца не давало выветриться запаху крови. Он слегка шевельнул запястьем, показывая, что пора отпустить.

Чу Цзюньле запоздало осознал, что все еще крепко держит мужчину за руку. Он поспешно разжал пальцы, но ощущение от прикосновения, казалось, все еще горело на коже.

Неужели его ладонь настолько велика, что он легко обхватил запястье мужчины... да еще и осталось место?

— Младший дядя, почему вы пришли? — старший племянник быстро спрыгнул с дивана, бросил поднос и просиял от радости.

Сы Юньи посмотрел, как племянница снимает малыша со шкафа, как третий племянник поправляет стулья у стола. Все они выстроились перед ним, словно предыдущего инцидента и не было.

— Что вы здесь делали? — Сы Юньи прошел мимо Чу Цзюньле, равнодушно глядя на младших.

— Мы просто играли с Чу Цзюньле, — ответил третий племянник, пряча руки за спину и улыбаясь.

Сы Юньи перевел взгляд на него и молча смотрел две секунды.

— Ваши родители не предупреждали вас, что мне нельзя лгать?

Видимо, вспомнив прошлые уроки, все пятеро прикусили языки. Сы Юньи подошел к третьему племяннику.

Он протянул руку. Тот озадаченно посмотрел на длинные, четко очерченные пальцы дяди.

— вещь, что у тебя в руках, — холодно произнес Сы Юньи.

Племянники переглянулись, и третий, робко достав старый телефон, вложил его в руку Сы Юньи.

— Я заблокирую ваши кредитные карты на месяц. Вернувшись домой, расскажите родителям все как было: как вы толпой нападали на одного и как издевались над слабым, — Сы Юньи забрал телефон. Племянники низко опустили головы, не смея больше взглянуть на младшего дядю.

Сы Юньи повернулся, посмотрел на промокшую от вина одежду Чу Цзюньле и протянул ему телефон.

— С-спасибо вам, — прохрипел Чу Цзюньле, не решаясь поднять взгляд на мужчину, и обеими руками осторожно принял телефон.

— Иди за мной. — Сы Юньи вышел из комнаты отдыха. Чу Цзюньле, не успев среагировать, застыл, глядя на его удаляющуюся спину.

Сы Юньи обернулся и молча посмотрел на него.

Встретившись с этим ясным, благородным взглядом, Чу Цзюньле наконец очнулся, поняв, что слова были обращены к нему.

Он крепко сжал старый телефон, сердце забило в странном ритме. Тело среагировало быстрее мозга: не раздумывая, не ловушка ли это снова, он сделал шаг и двинулся следом.

<http://bllate.org/book/21725/2244751>